

УДК 1(091) + 140.8

## **ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ АБСОЛЮТНОГО И ОТНОСИТЕЛЬНОГО В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

**Т.Ф. Извекова**

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет»,  
г. Новосибирск

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.221

Статья посвящена философскому осмыслению теоретико-методологических проблем взаимосвязи (содержательной и процессуальной) в историко-философском исследовании двух философских начал – абсолютного и относительного. Предложен новый вариант трактовки этой взаимосвязи, от которой, в свою очередь, зависит успешное и научно-корректное познавательное формирование (конструирование) важнейших начал любого подобного исследования: «историко-философская реальность», «цель», «объект», «предмет», «новизна», «историко-философская интерпретация».

**Ключевые слова:** *Абсолютное, относительное, историко-философское исследование, историко-философская реальность, цель, объект, предмет, новизна, спектр историко-философского феномена, историко-философская интерпретация.*

Содержанием научной специальности 09.00.03 – «История философии», как известно, являются такие важнейшие научные направления, как «исследование проблем генезиса, развития и современного состояния философского знания как постоянной составляющей в эволюции духовной культуры человечества; определение социального, познавательного и ценностного статуса философии в контексте исторической и социокультурной жизни; выявление и квалификация исторически конкретных форм философской рефлексии и их отражений в соответствующих формах культуры, в традициях естественнонаучного и гуманитарного знания, в опыте становления и совершенствования теоретических представлений о мире и месте в нем человека; распознавание и описание первичных предпосылок, инициирующих философский дискурс от древнейших умозрительных построений до современных моделей философствования; прогнозирование перспектив философии будущего в условиях господствующего интеллектуального либерализма и постмодернистских установок на радикальный пересмотр и преодоление теоретических и ценностных заветов мировой философской классики; исследование проблем историко-философской специальности предполагает освоение и оценку философских традиций в их исторической

преимущественности и узловых концентрациях, обобщение достижений мировой и отечественной историко-философской мысли, использование материалов дискуссий и результатов международных философских симпозиумов, а также учет философско-образовательной практики ведущих высших учебных заведений России и зарубежных стран» [8].

В этом содержательном разнообразии важного и необходимого для целей любого историко-философского исследования достаточно легко потеряться и заблудиться, как в замысловатом лабиринте. Чтобы этого не случилось, необходимо постоянно опираться на крепкую и надежную опору – на *методологию научного исследования*. В формате научной статьи всего об этом не сказать, но несколько важных теоретико-методологических аспектов, напрямую относящихся к такого рода исследованиям, подвергнуть философскому анализу вполне возможно. В данной работе мы остановимся на вопросе познавательного учета взаимосвязи и целостности *абсолютных и относительных* моментов в процессе историко-философского исследования, от которых напрямую содержательно-структурно и концептуально зависят такие важнейшие начала любого исследования, как его «*объект*», «*предмет*», «*новизна*» и др.

Предварительно подчеркнем и то существенное, на наш взгляд, обстоятельство, что решение данных теоретико-методологических задач исследования особо значимо *именно для историко-философского* его варианта – ведь здесь присутствуют сразу *несколько «прошлых»* одного и того же элемента познания, еще больше – его «*настоящих*» составляющих; все это *что-то «относительное»*, и в финальной части историко-философского исследования все эти *отдельные начала* необходимо еще и подвергнуть концептуальному и смысловому *синтезу*, производя многообразие «*трактовок*» («*интерпретаций*») постигнутого спектра «*прошлых*» в качестве элементов *новизны* всего этого познавательного процесса.

*Относительное* здесь уже определенным образом нами проявлено, а где в историко-философском исследовании *абсолютное*? Об этом – несколько позже, после теоретико-методологического анализа других важных сторон познавательного процесса в такого рода исследовании.

Итак, *наша авторская модель* решения всех обозначенных выше теоретико-методологических проблем историко-философского исследования такова. При осуществлении подобного исследования крайне важное значение имеет научно-корректное решение целого ряда проблем *теоретико-методологического характера*, связанных: а) с определением *объекта и предмета* историко-философского исследования; б) содержательной *интерпретацией историко-философского феномена* (феномена из «*прошлого*») в контексте современного философского дискурса (некоего смыслового синтеза «*прошлого*» и «*настоящего*»); в) трактовкой *научной новизны* такого исследования и другими вопросами, требующими тщательного учета и соответствующего научного понима-

ния. В данной статье именно эти проблемы как раз и рассматриваются с позиций современных методологических требований, итоговыми результатами чего являются наши *новые трактовки*: а) объекта и предмета историко-философского исследования; б) современной интерпретации его результатов; в) новизны историко-философского исследования. Поскольку все эти основные результаты исследования имеют, на наш взгляд, универсальный и общезначимый характер, они и стали *основной целью* данной научной работы.

При исследовании любой проблемы из перечисленных выше научных направлений, представленных в научном паспорте данной специальности, познание начинается активностью с соответствующей *историко-философской действительностью*, которая, согласно современным теоретико-методологическим представлениям исторической науки [5, с. 84–85], представляет собой *объективную историческую реальность*, противостоящую *субъекту исторического познания*. В *классической науке* понятие «объективная историческая реальность» отождествлялось с понятием «историческая действительность», что означало существование только единственного «прошлого», фиксирующего тот или иной исторический, в нашем случае – историко-философский – феномен. Совсем иначе решается эта проблема «прошлого» в *неклассической исторической науке* [3], где «прошлое» теперь представлено уже *не одним, а двумя разными «мирами прошлого*»: миром исторической действительности и миром исторической реальности. Если *мир исторической действительности* – это «прошлое», вовлеченное в процесс познания, то *мир исторической реальности* – это образ «прошлого», сконструированный в сознании субъекта исторического познания [5, с. 84–85].

Такое различие двух миров «прошлых» – исторической действительности и исторической реальности – принципиально важно и конструктивно для любого историко-философского исследования, поскольку показывает высокую исследовательскую значимость именно его теоретико-методологического аспекта. В самом деле, теперь вполне понятно, что в «прошлое как историческую реальность» (в предмет такого исследования) именно методология как бы «пропускает» только то содержание из «прошлого как исторической действительности» (из объекта историко-философского познания), которое участвует в конструировании *предметного поля познания*; оно, как хорошо видно, формируется именно *методологической составляющей* такого рода исследования. Но здесь есть еще одна исследовательская трудность: согласно современным научным представлениям [4], историческая действительность как «прошлое» в настоящем существует в трех основных формах: *утилитарное прошлое* (как дидактический сегмент настоящего); *зафиксированное прошлое* (как продукты прошлой человеческой деятельности, сохранившиеся в настоящем); *когнитивное прошлое* (как образ прошлого в историческом сознании). Очевидно, что в историко-

философском исследовании под исторической действительностью следует понимать только *третью* ее форму – именно *когнитивное* прошлое, т. е. то прошлое, которое существует только в сознании субъекта (философов различных исторических эпох) – как «историческая реальность». Иначе говоря, никакого другого прошлого, кроме «прошлого как исторической реальности» (*измененной* познавательным актом *конкретного* субъекта), в историко-философском исследовании просто нет; именно такое прошлое и выполняет: а) функции *объекта* в исследовании; б) функции *субъекта* историко-философского познания.

Сразу возникает вопрос принципиального характера: как *одно и то же* «прошлое как историческую реальность» различить в их разных функциональных проявлениях в исследовании: в одном случае – *как его объекта*, а в другом – *как субъекта*? Этой методологической проблеме нашел интересное решение М. Хайдеггер [7]; оно вполне подходит и для историко-философского исследования. Хайдеггер делит прошлое, как историческую действительность на *темподесинентное* (главное характеристическое свойство такого типа исторической действительности состоит в том, что оно не оставляет никаких «считываемых» следов в настоящем, уходит из бытия безвозвратно) и на *трансцендентальное* (такое прошлое, которое оставляет некие «следы-посредники» в настоящем и благодаря им остается «доступным» для исследования в настоящем). Если с такого рода позиций подходить к определению *объекта* историко-философского исследования, то тогда вполне корректно его понимать именно как «следы-посредники» трансцендентальной исторической *реальности*, по Хайдеггеру (именно реальности, а не действительности – ведь у историка философии «осталось» прошлое только как третья его форма, как когнитивное прошлое, существующее лишь в сознании познающего субъекта). Если же следовать познавательной традиции Хайдеггера и в определении *предмета* такого исследования, то им окажется то содержание, которое связывает (через поиски взаимосвязей и реконструкцию разных исторических реальностей) непосредственно или опосредованно именно эти «следы-посредники» в некие их сложные *идейно-смысловые конструкты* в различных историко-реальных контекстах. Таким образом, в историко-философском исследовании присутствуют два «прошлого»: в качестве *объекта* исследования – «следы-посредники» трансцендентальной исторической реальности *сами по себе*, как некие исторические предания в форме идей, взглядов, теорий, концепций из прошлого, а в качестве *предмета* историко-философского исследования – их разновременные, *из разных* исторических реальностей *идейно-смысловые конструкты*. Например, объектом исследования могут быть те непосредственные «следы-посредники», которые оставлены тем или иным философом в качестве идей, теорий, понятий, учений и т. д.. Чтобы из них сформировать предмет исследования, необходимо «следы-посредники» как бы «погрузить» в различ-

ные исторические реальности и в таком контексте исследовать на поиск того или иного философского дискурса от такого *связанного и целостного*, принципиально *системного* конструкта. Иначе говоря, если коротко выразить самое существенное в этих важнейших понятиях историко-философского исследования, то объект исследования – это «следы-посредники» сами по себе, а вот предмет – их сущностная *интерпретация (реконструкция)*, причем *обязательно в контексте* тех или иных исторических реальностей.

На наш взгляд, наличие *целых двух «прошлых»* в любом историко-философском исследовании требует их учета не только при определении объекта и предмета такого рода исследования (мы это показали выше), но и при определении *новизны* того или иного историко-философского исследования. Легче всего методологическую суть сказанного показать на конкретном историко-философском материале. Поскольку в настоящее время нами завершается подготовка к защите докторской диссертации по историко-философской проблематике, покажем решение указанных методологических задач на анализе понятия «*знание*», причем в контексте взаимосвязи *относительного и абсолютного* в исследовательском процессе и согласно целям именно данной работы (заметим, что смысл абсолютного в структуре историко-философского исследования *пока* еще никак нами не проявлен, данный элемент работы получит свое развитие чуть ниже, когда для этого нами будут подготовлены все необходимые познавательные средства и условия).

*Знание* (а также во многих отношениях его главная оппозиция – *вера*) – совершенно особенные предметы познания, поскольку являются вечно востребованными, фундаментальными, глубинно-таинственными, метафизическими. К указанным предметам исследования во все исторические времена, в том числе и в начале XXI в., проявляется устойчивый интерес, причем от эпохи к эпохе меняется и актуальность самой их проблематики, и тем более исторически-конкретная трактовка (интерпретация) этих воистину фундаментальных идейно-философских феноменов. Такую вечную востребованность постижения взаимосвязи веры и знания можно объяснить, с одной стороны, тем, что данная проблематика обладает не только познавательной неисчерпаемостью, но и метафизической, принципиально непостижимой *тайной*; с другой стороны, всегдашней научной и философской неудовлетворенностью ни одним из имеющихся вариантов решения этой проблемы – всегда всего лишь частичным, *исторически-конкретным, относительным, неполным*. Поэтому не удивительно, что во все времена познание этих глубинных начал возобновляется на новой содержательно-концептуальной и теоретико-методологической основе, в совершенно ином философском, научном, религиозном, историческом и социально-культурном контексте, итоговым результатом которого выступают, с учетом всего ранее изложенного, именно различные *предметы* историко-философского знания.

Только что нами использованное в данной статье понятие «знание» требует фиксации его исходной смысловой трактовки. Вполне очевидной представляется *общепринятая современная трактовка* этого понятия: *знание* – «творческое, динамическое измерение сознания... как объективная идеальная форма всякой деятельности и общения... как смысл, вносимый в специфическую реальность (в производственную практику, социальную регуляцию, ритуальный культ, языковой текст). Знание позволяет различать эти реальности и контексты опыта друг от друга как возможные сферы реализации человеческих способностей» [9, с. 247]. После такого определения понятия «знание» возникает, скорее, больше вопросов, чем конкретных и содержательных ответов – ведь даже из данного определения хорошо видно, что это понятие напрямую связано с целой «сетью» других понятий и их смыслов, которые, в свою очередь, связаны со своей собственной понятийной сетью, и так *до бесконечности*, образуя некий особый *понятийно-сетевой комплекс*. Для разных понятий такие комплексы также различны; например, в русской философии [2] понятие «Абсолют» имеет *восемь* основных составляющих его понимания: Личность как Абсолют в метафизике Ф. Достоевского, Абсолют как всеединство у Вл. Соловьева, Абсолют как царство Абсурда (Л. Шестов), Абсолют как свобода у Н. Бердяева, Абсолют как абсолютное бытие (С. Франк), Абсолют как восполнение несовершенства у Л. Карсавина, через пантеизм Гегеля учение о «конкретном» Абсолюте у И. Ильина, Абсолют как Св. Троица (С. Булгаков и П. Флоренский): понятие «личность» – *пять* основных составляющих: как Абсолют (Ф. Достоевский), как всеединство (Вл. Соловьев), как конкретное начало (Н. Бердяев), как творчество (С. Франк), как всеединство и всевременность (Л. Карсавин) и т. д. Если говорить о таком комплексе применительно к понятию «знание», то его компонентами будут, как следует из вышеприведенного определения, такие основные (здесь мы их просто перечислим) компоненты: «творчество», «измерение», «сознание», «объективная идеальная форма», «деятельность», «общение», «смысл», «реальность», «производственная практика», «ритуальный культ», «языковой текст», «опыт», «человеческие способности» и др.

Хорошо видно, что понятийно-сетевой комплекс любого историко-философского феномена имеет принципиально *спектральную, дисперсионную сущность*, и тогда работа с ними является неким аналогом самого настоящего *спектрального анализа*, особой философской смысловой *спектрологии*. Если учесть очевидный факт, что каждое из этих – поясняющих смысл – понятий по отношению к «знанию» имеет совершенно неоднозначные и такие же различные и разветвленные – «понятийно-сетевые» по своей структуре комплексы – трактовки их собственных смыслов, то постижение глубинного смысла понятия «знание» (т. е. знания как *абсолютного* начала) через такую, фактически беско-

нечную по своей сути, познавательную процедуру постижения сути одного понятия через сети других и *относительных понятий*, следует признать не самой оптимальной и эффективной затеей. Поэтому необходимо искать некий другой исследовательский подход, позволяющий вроде бы неизбежное познавательное столкновение с «дурной бесконечностью» все же как-то обойти. В философии и науке весьма распространенным способом частичного преодоления этой самой «дурной бесконечности» является представление данного предмета исследования в виде необходимого и даже атрибутивного смыслового комплекса, связанного с *его понятием-оппозицией*. Для такого понятия, как «*порядок*», например, его понятие-оппозиция – это «*хаос*», для «*истины*» – «*заблуждение*», для «*творчества*» – «*репродукция*», для «*сущности*» – «*видимость*» и т. д. Очевидно, что в таком представлении комплекса спектр в формате одной пары состоит только из двух составляющих, но вот самих пар понятий-оппозиций может быть и больше, чем одна (ниже мы приведем такого рода примеры).

Если применить такой исследовательский подход (назовем его *спектральным или дисперсионным*) к понятию «*знание*», то совсем не просто ему найти однозначную и универсальную, в своем роде, *оппозицию*, поскольку на разных исторических этапах ему соответствовали и разные, исторически-конкретные варианты понятий-оппозиций – все они тоже начала принципиально *относительные*.

Сделаем одно важное смысловое отступление и потом вновь продолжим анализ спектра понятия «*знание*». Именно в данном месте исследования можно, наконец, прояснить *вопрос об абсолютном начале* историко-философского исследования, на который мы никак не могли ранее ответить, а вот теперь – вполне можем. Оно присутствует в нем, *но неявно и косвенно* – как принципиально недостижимая *цель* окончательно постичь сущность того или иного предмета познания, как его *идеал*. Иначе говоря, с относительными началами историко-философское исследование связано постоянно и непосредственно, с абсолютным же началом – лишь опосредованно и идеально-недостижимо. Абсолют всегда недостижим, в этом – его важнейшая сущность. Это атрибутивное свойство Абсолюта крайне важно и ниже мы его используем для решения некоторых задач нашего исследования.

Продолжим анализ начатого. Во времена элеатов, атомистов и Платона оппозицией «*знанию*» выступало понятие «*мнение*»; от Аристотеля идет познавательная традиция расщеплять понятие «*знание*» на *целый спектр* его различных типов: «*эпистеме*», «*докса*», «*пистис*», «*техне*», «*эмпейриа*» и др. (понятно, что тогда этому спектру соответствует *спектр понятий-оппозиций* для каждого выделенного типа знаний). Средневековая познавательная традиция постижения сути «*универсалий*» в рамках компетенций науки и теологии привела к разделению знания на «*опытное*» и «*внеопытное*», на «*приобретенные*» и

«врожденные» идеи (Декарт), на «впечатления» и «идеи» (Локк, Беркли), на «истины факта» и «истины разума» (Лейбниц), на области эмпирического (апостериорного) и трансцендентального (априорного) (Кант) и т. д. [6].

Что все вышеизложенное значит для целей нашего исследования? То, что такой исследовательский подход взаимосвязанного и целостного анализа исследуемых идейно-философских феноменов (как в контексте их понятийно-сетевого комплекса, так и в дискурсе их понятий-оппозиций) автоматически любое научное исследование переводит, во-первых, в формат именно историко-философского исследования того или иного феномена вместе с его понятийно-сетевым комплексом или понятиями-оппозициями (минимально – в виде одной пары, чаще – в виде целого спектра пар понятий-оппозиций) только в строго фиксированном контексте философского дискурса конкретной исторической эпохи, т. е. в строго определенном «прошлом как исторической реальности»; во-вторых, в формат обязательного учета абсолютного и относительного – как составляющих их спектров, абсолютного – как цели (идеала) данного исследования.

Таким образом, сама по себе логика исследования таких предметов познания, как, например, «знание», требует обязательного перехода в формат историко-философского исследования; в свою очередь, теперь уже сам этот формат диктует необходимость наших предварительных теоретико-методологических пояснений – как по познавательной работе с самим предметом историко-философского исследования (этот вопрос мы обсудили выше), так и по определению основных условий и требований к нему с точки зрения соблюдения научной корректности и обоснованности совершаемых познавательных действий на всех этапах исследования, включая наиболее сложный – и даже в определенной степени опасный, последний этап, на котором полученные результаты историко-философского исследования подвергаются окончательной, в рамках современного философского дискурса, смысловой и концептуальной *интерпретации*. В непосредственной взаимосвязи с проблемой интерпретации состоит и проблема определения *новизны* историко-философского исследования. Обе эти проблемы, в свою очередь, связаны с решением вопроса о соотношении абсолютного и относительного начал в исследовании; покажем все это в авторской трактовке.

«Знание», как уже было сказано не раз, является одним из главных предметов нашего исследования, и это значит, что его правомочность и успешность напрямую зависят от степени новизны данной работы; но что значит сам термин «новизна» применительно к историко-философскому исследованию? Как вообще можно работать с таким принципиально *разновременным* материалом – ведь его философские смыслы напрямую «привязаны» к конкретной исторической эпохе, к ее

представлениям именно в том или ином, но всегда в строго зафиксированном «прошлом», и все эти варианты «прошлого» принципиально разные во всех смыслах? И как научно корректно необходимо все это сделать, с одной стороны, не изменяя конкретно-исторического философского *прошлого* современным философским содержанием, оставляя его в этом плане неким неизменным, а значит, абсолютным началом, а с другой стороны, для более полного и целостного постижения предмета исследования все же рано или поздно, но *соединяя* это прошлое *только с некоторыми* современными достижениями философского дискурса – теми, которые позволят в постижении данного предмета исследования через добавленную «новизну» (через относительное) постигнуть «прошлое» (здесь абсолютное выступает опять идеалом полного и целостного постижения этого самого «прошлого») более рельефно и полно?

Известно, что *главная цель* любого историко-философского исследования [1] всегда связана с решением двойкой проблемы: с одной стороны, необходимо как можно более точно и без каких-либо смысловых искажений, что называется фактографически, воспроизвести суть того или иного идейно-познавательного события, имевшего место в истории развития философской мысли, найти его подлинные «следы-посредники»; с другой стороны, с позиций уже современного этапа развития философского знания крайне важно это событие подвергнуть всесторонней теоретико-методологической аналитике для целостного и многоэтапного постижения его глубинных смыслов, конкретики содержательных аспектов, общих и особенных сторон динамики и развития, взаимосвязи с другими философскими, научными, религиозными, идейно-культурными и другими феноменами. Все эти исследовательские операции настоящего историка философии должны быть крайне тонкими, аккуратными и даже трепетно-деликатными, поскольку разрушить тем или иным познавательным вторжением из современности в исторически давно состоявшееся философское событие, в его содержание и смысловое понимание означает, во-первых, бережное сохранение исходного и исторически конкретного его начала и, во-вторых, подлинное определение нового «места в строю» этому историко-философскому феномену, но теперь уже в общем контексте современных философских представлений. Учитывая вышеизложенное, можно тогда основную цель любого историко-философского исследования интерпретировать как обоснованное и аргументированное (в первую очередь исходным, исторически конкретным содержанием данного идейно-познавательного события – его «следами-посредниками») самое настоящее «*переоткрытие*» ранее уже найденного, как *новое постижение* бережно сохраненного исторически конкретного явления в принципиально другом (именно современном) философском и научном контексте.

*Конечным результатом* историко-философского исследования тогда выступает некий феномен («продукт» исследования), принципи-

альная структура которого может быть представлена как единство и целостность двух главных содержательных и смысловых частей: *части А* – «ядра» данного феномена, представленного именно исходным конкретно-историческим философским знанием, его неизменным «прошлым как исторической реальностью»; *части В* – «приращения» данного историко-философского феномена, состоящего из всего того содержательного многообразия идейно-философских и научных достижений *современности* (из «прошлого как исторической реальности»), но только из настоящего времени), которое принципиально необходимым (обоснованным и аргументированным) образом познавательно «притягивается» к части А как начала относительные и дополняют ее до целостного и полного понимания и объяснения – именно содержание этого «приращения» и будет основным элементом *новизны* историко-философского исследования.

Таким образом, любое историко-философское исследование, *как познавательный процесс*, структурно тоже может быть представлено как целостное единство двух его атрибутивных этапов: *первого*, обращенного к работе с «ядром», т. е. с сохраненным в неизменном виде, по возможности, исходным конкретно-историческим философским знанием, и *второго*, ориентированного на поиск его «приращения» – того содержания философских и научных достижений современности, которое принципиально необходимо для целостного и полного понимания и объяснения данного предмета историко-философского познания (с «настоящим» как относительным началом, которое легко представимо как «прошлое в формате исторической реальности»), но для настоящего времени).

Тогда выходит, что новизна любого историко-философского исследования – итоговый результат двух главных познавательных и исследовательских операций: *историко-философского анализа – репродукции* «прошлого как исторической реальности» – операции, главным критерием корректности которой будет обязательная неизменность идейно-философского феномена, его в этом плане абсолютность; *историко-философского синтеза как творческого акта* – операции, главным смыслом которой является обоснованный поиск единства и целостности репродуктивно приведенного к этому синтезу «прошлого» и творчески измененного, определенным образом отобранного для данного историко-философского исследования и поэтому только особенного «настоящего» (относительного), причем главным критерием корректности вовлечения этого «настоящего» (содержания современного философского дискурса) в осуществляемый синтез с «прошлым» будет обязательная обоснованность именно его необходимости («присутствия») в данном исследовании. Заметим, что самым простым и очевидным признаком подлинной востребованности «настоящего» в отношении «прошлого» является, очевидно, принадлежность этого материала к *понятийно-*

*сетевому комплексу или к спектру понятий-оппозиций* исследуемого идейно-философского феномена.

### **Список литературы**

1. Бажов С.И. Проблемы методологии историко-философского исследования // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1648> (дата обращения: 14.10.2019).
2. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках: русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Алетейя, 2000. 415 с.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
4. Оукшот М. Деятельность историка // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 128–152.
5. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
6. Теория познания: в 4 т. / под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991–1995. Т. 1, 2.
7. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
8. Шифр специальности: 09.00.03 История философии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.teacode.com/online/vak/p09-00-03.html> (дата обращения: 16.10.2019).
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.

## **THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ABSOLUTE AND RELATIVE IN HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL STUDIES**

**T.F. Izvekova**

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk

The article is devoted to philosophical understanding of theoretical-methodological problems of relationship (substantive and procedural) in historical philosophical study of two philosophical beginnings - absolute and relative. A new version of interpretation of this relationship is proposed, on which, in its turn, the successful and scientific correct cognitive formation (design) of the most important beginnings of any such research depends: «historical-philosophical reality», «aim», «object», «subject», «novelty», «historical philosophical interpretation».

**Keywords:** *Absolute, relative, historical philosophical study, historical philosophical reality, aim, object, subject, novelty, spectrum of historical philosophical phenomenon, historical philosophical interpretation.*

*Об авторе:*

ИЗВЕКОВА Татьяна Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, факультета социальной работы, клинической психологии и менеджмента ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Новосибирск. E-mail: izvekova01@gmail.com

*Author information:*

IZVEKOVA Tatyana Fedorovna – PhD (Philology), assistant professor, Head of the linguistics and intercultural department of the faculty of Social work, Clinical Psychology and Management, Novosibirsk State Medical University Ministry of Health of the Russian Federation, Novosibirsk. E-mail: izvekova01@gmail.com